

Ф. С. Рубининъ
14.

Маіоратъ.

Поручикъ Рейнгардъ Георгіевичъ фонъ-Левизъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ и страшно нервничалъ. Онъ только что вернулся съ зимнихъ маневровъ, голодный, продрогшій и усталый и вдругъ къ обѣду не оказалось водки. Лариса Николаевна, его жена, блѣдненькая съ немного поблекшимъ, хотя и миловиднымъ личикомъ, видимо всячески старалась загладить свой промахъ и то и дѣло шмыгала изъ кухни въ столовую и обратно, устававливая на столѣ все, что было съѣдобнаго. Въ погонѣ за количествомъ блюдъ, она пу-

стилась даже на хитрость: котлеты подала на одной тарелкѣ, а макароны на другой, тѣже котлеты она накрошила, прибавила жаренаго луку, масла, полила немного бульономъ и подала, какъ самостоятельное блюдо. Сварила пару яицъ въ смятку, а изъ двухъ приготовила яичницу съ чернымъ хлѣдомъ. Оставшюся послѣ утренняго завтрака маленькаго Жоржика кашу, она переложила на чистую тарелку и подала за нарочито для мужа приготовленную. На отдѣльныхъ тарелкахъ она разложила квашеную капусту, два соленыхъ огурца и маринованные грибы. Черный и бѣлый хлѣбъ также былъ разложенъ на отдѣльныя тарелки. Когда всѣ эти явства были разставлены на столѣ, она принесла кипящій самоваръ, кофе, молоко, достала варенья, но деньщикъ Прокофій, посланный за водкой въ офицерское собраніе, все еще не возвращался.

Рейнгардъ Георгіевичъ съ осатанѣлымъ видомъ смотрѣлъ на висячую лампу и нервно барабанилъ пальцами по тарелкѣ. Маленькій Жиржикъ сторалъ отъ неперпѣнія распросить отца о маневрахъ, но, видя его въ такомъ состояніи, не рѣшался и только тарасилъ на него свои большіе сѣренькіе глазенки. Но, наконецъ, водка появилась.

Какъ ни хотѣлось Рейнгарду Георгіевичу выдержать роль обинженнаго, но это ему не удалось. При видѣ водки, онъ не удержался и улыбнулся и эта улыбка была первымъ солнечнымъ лучомъ, прорѣзавшимъ грозовую тучу. Тягостное молчаніе было сразу нарушено. Лариса Николаевна подсѣла къ мужу и, наливая ему рюмку за рюмкой, принялась рассказывать всякую дребедень. Жоржикъ, поминутно перебивая мать, такъ и сыпалъ вопросъ за вопросомъ. Даже Прокофій расхрабрился и съ чисто-деньщицкѣй фамильярностью сталъ подробно рассказывать съ какими затрудненіями онъ досталъ водку.

— Ваше благородіи, простите, запомятоваль—бумага вамъ тутъ пришла, вдругъ спохватился онъ и вынулъ изъ кармана конвертъ большого формата, сложенный пополамъ.

Рейнгардъ Георгіевичъ вскрылъ его и только успѣлъ прочесть нѣсколько строчекъ, какъ вдругъ радостно вскрикнулъ.

— Что такое? въ свою очередь радостно вскрикнула Лариса Николаевна, но онъ только руками замахалъ и продолжалъ читать, широко улыбаясь.

— Ну слушай, сказалъ онъ, прочитавъ письмо и громко, торжественно, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, сталъ читать его

снова: «Милостивый Государь Рейнгардъ Георгіевичъ. По приказанію его сіятельства графа Роберта Сигизмундовича фонъ-Левизъ-афъ-Менаръ имѣю честь увѣдомить васъ, что его сіятельство предоставляетъ вамъ въ собственность пять тысячъ рублей, съ наросшими на нихъ процентами, кои его сіятельство внесъ за васъ въ полкъ въ видѣ реверса при вашей женитьбѣ и срокъ коимъ за достиженіемъ вами 28 лѣтняго возраста истекаетъ 17-го сего января. Въмѣстѣ съ тѣмъ его сіятельство выражаетъ твердую увѣренность, что вы используете этотъ даръ съ тою осмотрительностью и умѣренностью, каковыя всегда являлись отличительными качествами славнаго рода графовъ фонъ-Левизъ-афъ-Менаръ. О настоящей волѣ его сіятельства сего числа послано нотаріальное заявленіе господину командиру полка, въ коемъ вы имѣете честь служить. Главноуправляющій маіоратными имѣніями его сіятельства графа Роберта Сигизмундовича фонъ-Левизъ-афъ-Менаръ, Оскаръ Людвиговичъ Пршесавскій».

— Вѣдь это послѣ завтра 17-е число, съ какою то блаженной улыбкой проговорилъ Рейнгардъ Георгіевичъ. Лариса Николаевна кивнула головой, хотѣла улыбнуться и вдругъ разрыдалась.

На другой день вѣсть о полученіи Рейнгардомъ Георгіевичемъ 5 тысячъ рублей отъ дядюшки, который до того его игнорировалъ, облетѣла весь полкъ. Его поздравляли, цѣловали, качали даже и вечеромъ устроили въ офицерскомъ собраніи пирушку съ пѣсенниками и балалаечниками. И надо замѣтить, что всѣ эти оваціи были вполне имъ заслужены. Рейнгардъ Георгіевичъ былъ прекраснымъ товарищемъ и образцовымъ офицеромъ. Происходя изъ старинной и знатной фамиліи графовъ фонъ-Левизъ-афъ-Менаръ, онъ отличался тѣмъ не менѣе большой скромностью и нисколько не конфузился служить въ скромномъ армейскомъ пѣхотномъ полку. Качество это было унаслѣдовано имъ отъ отца. Когда то блестящій гвардейскій офицеръ, онъ увлекся массажисткой своей матери и къ великому ужасу ея, всей семьи и полковыхъ товарищей—женился на ней. Конечно, ему пришлось уйти изъ полка. Мать не перенесла семейнаго позора и вскорѣ умерла. Старшій братъ его, графъ Робертъ Сигизмундовичъ, владѣтель громаднаго маіоратнаго имущества, назначилъ ему пожизненную пенсію въ 3 тысячи рублей, оговоривъ при этомъ, что онъ заранѣе отрывается отъ его потомства. Георгій Сигизмундовичъ уѣхалъ въ провинцію, гдѣ получилъ небольшое мѣсто въ контрольной палатѣ и началъ

новую для себя жизнь скромнаго труженика. Въ женѣ онъ скоро разочаровался—это была банальная вздорная женщина, на каждомъ шагѣ оскорблявшая его аристократическія понятія. Вотъ почему, когда у нея родился сынъ, онъ отдался ему всею душою. Завѣтной мечтой его было возбудить къ нему участие брата, который хотя и имѣлъ сына, но увы, рахитика и слабоумнаго. Но мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться—графъ Робертъ Сигизмундовичъ такъ и остался непреклоннымъ. Даже смерть брата не повліяла на него. Рейнгардъ Георгіевичъ видѣлъ его только разъ въ жизни, именно когда онъ пріѣхалъ для того, чтобы увезти тѣло отца въ родовое гнѣздо. Величественная и гордая осанка дяди произвела на него сильное впечатлѣніе, но онъ тогда же понялъ, хотя ему минуло всего 11 лѣтъ, что этотъ человѣкъ никогда и ничего для него не сдѣлаетъ.

Передъ своимъ производствомъ въ офицеры, онъ вздумалъ было написать ему письмо съ просьбой обезпечить ему выходъ въ гвардію, но такъ и не рѣшился, и вышелъ въ скромный армейскій полкъ. Но черезъ 2 года онъ принужденъ былъ всетаки къ нему обратиться съ просьбой, и вотъ почему.

Рейнгардъ Георгіевичъ влюбился въ Ларису Николаевну, тогда скромную и миленькую продавщицу въ книжномъ магазинѣ и рѣшилъ на ней жениться. Но увы ни у него, ни у нея, не оказалось 5 тысячъ рублей, которые нужно внести въ видѣ реверса. Долго они горевали, придумывая всякіе способы найти эту сумму, но ничего не придумали. Тогда они порѣшили обвѣнчаться тайкомъ и обвѣнчались. Но тайна эта была вскорѣ открыта. Рейнгарду Георгіевичу угрожало исключеніе со службы. Къ счастью, командиръ его оказался не формалистомъ и далъ ему 2-хъ мѣсячный срокъ для пріисканія реверса. Тогда то и рѣшился онъ написать своему дядѣ. Не прошло и мѣсяца, какъ командиръ полка получилъ отъ графа Роберта Сигизмундовича 5 тысячъ рублей съ оговоркой однако, что деньги эти даетъ только до достиженія его племянникомъ 28 лѣтняго возраста, послѣ чего просить эти деньги вернуть ему обратно.

17-го января командиръ полка торжественно вручилъ Рейнгарду Георгіевичу квитанцію конторы Государственнаго банка, хранившуюся въ полковомъ денежномъ ящикѣ и онъ въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ выѣхалъ въ губернскій городъ, хотя за истекшіе два дня онъ успѣлъ ужъ свыкнуться съ мыслью о неожиданно свалившемся на него счастьѣ, но когда на другой день

въ банкѣ ему отсчитали безъ малаге 6 тысячъ рублей, онъ буквально растерялся. Такой уймы денегъ ему до сихъ поръ не приходилось даже видѣть и онъ былъ въ большомъ затрудненіи, когда ему пришлось распихивать ихъ по всѣмъ карманамъ. Еще въ большемъ затрудненіи онъ очутился, когда подѣхавъ къ торговымъ рядамъ, онъ спохватился, что списокъ покупокъ, который ему дала Лариса Николаевна, находится въ карманѣ, набитомъ деньгами. Всѣ попытки извлечь его оттуда окончились ничѣмъ и онъ рѣшилъ обойти всѣ витрины магазиновъ и покупать все, что вспомнить. Но черезъ полчаса возникли новыя затрудненія—какъ быть съ покупками: въ гостиницу доставить ихъ не брался ни одинъ магазинъ, нести же ихъ въ рукахъ было немислимо, такъ какъ въ первомъ же магазинѣ аптекарскихъ товаровъ онъ накупилъ одной парфюмеріи на 45 рублей. Тогда онъ нанялъ извозчика, уложилъ туда покупки и приказалъ ему ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ рядомъ по панели—такъ ему удобнѣе было осматривать витрины. Черезъ часъ извозничьи сани были нагружены такъ, что въ нихъ можно было сѣсть не иначе, какъ бокомъ и притомъ свѣсивъ ноги на сторону. Рейнгардъ Георгіевичъ началъ приходить уже въ отчаяніе, пока догадливый возница ни надоумилъ его отвезти покупки въ гостиницу и снова пріѣхать. Дѣйствительно, другого ничего не оставалось дѣлать. Такъ и сдѣлали. Въ номерѣ Рейнгардъ Георгіевичъ опорожнилъ правый карманъ и извлекъ списокъ Ларисы Николаевны. Боже, какимъ онъ показался ему скромнымъ послѣ того, что онъ самъ купилъ, но вѣдь это была только доля того, что онъ собирался еще купить, какая приблизительно—онъ и самъ не зналъ. Второй транспортъ былъ не менѣе объемистъ, Рейнгардъ Георгіевичъ собрался совершать третій рейсъ, но спохватился, что пора пообѣдать. Пообѣдалъ онъ превосходно съ основательной закуской, съ шампанскимъ. Думалъ съ кофе выпить ликера, едва одолѣлъ двѣ рюмки бенедиктина, но за то выкурилъ сигару, что продается въ отдѣльной коробочкѣ подъ стекломъ. Продолжать дѣлать покупки послѣ такого обильнаго обѣда было невозможно и Рейнгардъ Георгіевичъ завалился спать, приказавъ себя разбудить къ 8-ти часамъ вечера, чтобы ѣхать въ мѣстный кафешантанъ. Тамъ онъ навѣрное надѣлалъ бы большихъ глупостей, если бы по счастью не встрѣтился ему знакомый акцизный чиновникъ, который силой отвезъ его въ гостиницу.

На другое утро Рейнгардъ Георгіевичъ проснулся въ отвратительномъ настроеніи. Отъ излишне выпитаго вина у него неистово

болѣла голова, кромѣ того его сильно мучила совѣсть. Онъ какъ-то сразу пресытился и ворохъ ненужныхъ покупокъ, сваленныхъ прямо на полъ, его сильно раздражалъ. Тѣмъ не менѣе, умывшись и выпивъ вмѣсто кофе бутылку содовой воды, онъ поѣхалъ въ торговые ряды—не сидѣть же ему было въ номерѣ! Но на этотъ разъ онъ не набрасывался, какъ вчера, онъ даже отпустилъ извозчика. Съ равнодушнымъ видомъ онъ миновалъ нѣсколько витринъ и остановился только у ювелирнаго магазина. Потому-ли, что отъ легкаго мороза у него отошла немного головная боль, или оттого, что сверкающія бездѣлушки были дѣйствительно хороши, а можетъ быть отъ того и другого вмѣстѣ, но ему стало настолько легче, что у него опять стали глаза разбѣгаться. Больше всего ему доставляло удовольствіе сознаніе, что онъ можетъ купить любую изъ выставленныхъ вещицъ, не считаясь съ ея цѣной. Однако, когда онъ переступилъ порогъ этого магазина, имъ овладѣла какая-то робость. Немного путаясь въ опредѣленіи своихъ желаній и конфузясь, онъ все-таки купилъ три кольца, брошку и браслетъ для Раисы Николаевны и золотые часы съ цѣпочкой для себя.

«Купить развѣ и серебряные для Прокофія», мелькнуло у него въ головѣ, но онъ почему-то пожалѣлъ, хотя они стоили всего 14 руб., а самъ-то онъ накупилъ на 850 рублей. Въ этотъ день онъ сдѣлалъ еще нѣсколько капитальныхъ покупокъ—купилъ мебель, граммофонъ и, по случаю, попугая въ мѣдной клѣткѣ. Вечеромъ ему пришло въ голову подсчитать, сколько онъ всего истратилъ и пришелъ въ ужасъ—изъ шести почти тысячъ, которыя онъ получилъ только вчера, у него не набралось даже половины трехъ—тысячъ.

«Чертъ возьми», подумалъ онъ и твердо рѣшилъ загонять экономію. И ему это немного удалось: вмѣсто двухъ французскихъ сундуковъ, куда онъ думалъ уложить всѣ мелочи, онъ купилъ двѣ корзины, вмѣсто мѣдной посуды, которая значилась даже въ скромномъ списокѣ Ларисы Николаевны, купилъ эмалированную, вмѣсто полотна для бѣлья, обозначеннаго въ томъ же списокѣ, купилъ мадаполаму, отказался отъ покупки лампы для гостиной и рѣшилъ не платить долга въ офицерскій капиталъ. Онъ такъ себя настроилъ на экономный ладъ, что отказался отъ закуски предъ обѣдомъ и вмѣсто шампанскаго сталъ пить пиво.

Лариса Николаевна пришла въ ужасъ, когда Рейнгардъ Георгіевичъ сдалъ ей оставшіеся у него деньги, а когда на нѣсколькихъ возахъ привезли всѣ покупки, она горько заплакала. Поведеніе

мужа показалось ей до того нелѣпнымъ, что она никакъ и ни чѣмъ не могла объяснить его себѣ. Въ первый разъ со времени своего замужества въ ней поколебалась вѣра въ него. Всегда скромный, разсудительный, безъ тѣни какихъ-либо фанаберій, онъ предсталъ теперь предъ ней такимъ ничтожнымъ, пустымъ, что у ней невольно явился вопросъ—какъ она могла такъ жестоко ошибиться въ немъ. Между тѣмъ поведеніе Рейнгарда Георгіевича становилось день-ото-дня все болѣе и болѣе страннымъ—онъ сдѣлался не въ мѣру раздражительнымъ, сталъ манкировать служебными обязанностями и иногда цѣлые вечера просиживалъ, запершись въ своемъ кабинетѣ. Лариса Николаевна разъ подглядѣла въ замочную скважину, что онъ тамъ дѣлаетъ, и была очень удивлена, увидѣвъ, что онъ неподвижно сидитъ на диванѣ безъ всякаго дѣла. Она нѣсколько разъ пробовала съ нимъ заговорить по поводу его странностей, но онъ либо отмалчивался, либо злился. Случилось какъ-то разъ, что онъ долго не возвращался домой вечеромъ. Прождавъ его напрасно до 12 часовъ ночи, Лариса Николаевна рѣшила, что онъ засидѣлся въ офицерскомъ собраніи и собралась ложиться спать. На дворѣ поднялась метель. Въ трубѣ жалобно завывало. Лампадка у образа нервно вспыхивала, видимо масло догорало. Жоржикъ сладко похрапывалъ въ своей кроваткѣ. Лариса Николаевна сдѣлала постель и стала раздѣваться, какъ вернулся Рейнгардъ Георгіевичъ. Видъ у него былъ до того довольный, что она не удержалась чтобы не спросить его, что съ нимъ. «Ты знаешь, что я думаю», весело проговорилъ онъ, усаживаясь къ ней на кровать, «мнѣ кажется, дядя хочетъ оставить мнѣ маюратъ».

«А ты откуда это знаешь?» съ недоумѣніемъ спросила она.

— А вотъ слушай.

— Да ты что—письмо получилъ?

— Нѣтъ. Я уже тебѣ говорилъ, что мнѣ это кажется и вотъ почему, скажи, пожалуйста, съ какой стати онъ мнѣ подарилъ 5 тысячъ, разъ до сихъ поръ онъ меня не признавалъ. Это, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, я прочту тебѣ одно мѣсто изъ письма Пршеславскаго, и онъ досталъ изъ кармана письмо, нервно пробѣжалъ его глазами и продолжалъ «ага, вотъ, ну, слушай: вмѣстѣ съ тѣмъ его сіятельство выражаетъ твердую увѣренность, что вы используете этотъ даръ съ тою осмотрительностью и умѣренностью, каковыя всегда являлись отличительными качествами славнаго рода графовъ фонъ-Левизъ-афъ-Менаръ» — послѣднюю фразу Рейнгардъ Георгіевичъ прочиталъ медленно съ удареніемъ на каждомъ словѣ.

— Ну что ты скажешь? спросилъ онъ послѣ того. Лариса Николаевна исмѣхнулась.

— Скажу, что дядя твой очень ошибся, такъ какъ ты совѣмъ не унаслѣдовалъ этихъ качествъ».

— Ты опять за старое—перестань! проговорилъ онъ, немного нахмурившись. «Отвѣтъ мнѣ лучше на вопросъ: отчего тутъ сказано о славномъ родѣ графовъ фонъ-Левизъ-афъ-Менаръ. Имѣй въ виду, что эту фамилію носить только старшая линія нашего рода. Мой отецъ просто фонъ-Левизъ. И потомъ, что это за забота о моей осмотрительности и умѣренности? Не все-ли равно дяди осмотрительно или неосмотрительно я спущу какія-то жалкія пять тысячъ. Ясно, что тутъ скрывается намекъ, меня хотять подготвить къ полученію маіората».

— Ну что-жъ отлично, беззаботно сказала Лариса Николаевна и разсмѣялась, а Рейнгардъ Георгіевичъ, не обращая на это вниманія, продолжалъ: «Боже мой, неужели это будетъ! Ты подумай только, что я получу 18 милліоновъ, болѣе 60 тысячъ десятинъ земли, чудный дворецъ съ сказочнымъ паркомъ, громадный конскій заводъ, стеклянный и титулъ графа фонъ-Левизъ-афъ-Менаръ».

— Но вѣдь у дяди есть сынъ, попробовала умѣрить его фантазію Лариса Николаевна.

— Но онъ идіотъ отъ рожденія. Дядя по закону имѣеть право передать мнѣ маіоратъ при его жизни.

— Пусть такъ, но дядя самъ можетъ прожить еще долго.

— Едва ли, сказалъ Рейнгардъ Георгіевичъ такимъ тономъ, будто рѣшеніе этого вопроса зависѣло всецѣло отъ него.

— Ну будетъ болтать, серьезно замѣтила Лариса Николаевна, ложись лучше спать и ради Бога не говори объ этомъ никому.

На другой день Рейнгардъ Георгіевичъ вернулся со службы раньше обыкновеннаго—у него сильно разболѣлась голова.

— Ты бы прилежь, милый, посоветовала Лариса Николаевна.

— Не поможетъ. Просто мнѣ нужно бросить эту проклятую армейскую лямку и уѣхать куда-нибудь на югъ. Я не могу больше, раздраженно сказалъ онъ и заперся въ кабинетъ. За обѣдомъ онъ ни до чего почти не дотронулся и все время молчалъ. Лариса Николаевна съ тревогой смотрѣла на него, но не рѣшалась съ нимъ заговорить изъ боязни разсердить его. Послѣ обѣда онъ попросилъ ее послать Прокофія въ офицерское собраніе за икрой и передать ротному командиру, что онъ не можетъ придти на вечернія занятія и опять заперся въ кабинетъ. Уже уложивъ Жоржика спать, Ла-

риса Николаевна отважилась, наконецъ, пойти къ мужу. Противъ ожиданія, она застала его не только успокоившимся, но даже въ хорошемъ настроеніи.

— Ты знаешь, я прямо не узнаю себя, заговорилъ онъ, ласково, усаживая ее рядомъ съ собой на диванъ. Никогда мнѣ не приходили въ голову такія мысли какъ теперь. Я на все какъ-то иначе теперь смотрю.

— Лучше или хуже? спросила она.

— Не знаю лучше ли, но иначе какъ-то. Моя предшествовавшая жизнь кажется мнѣ такой ничтожной, люди, которыя меня окружали, такими маленькими...

— И я тоже? перебила она, но онъ нѣжно погладилъ ее по щекамъ и продолжалъ: «знаешь, мнѣ кажется, что не всѣмъ людямъ дано понять самихъ себя. Многіе такъ и умираютъ, не понявъ своего назначенія, и счастливы, по моему, лишь тотъ, кто во-время понялъ себя и успѣлъ выполнить свою задачу... Вотъ я, наприимѣръ, что я былъ вчера и что сегодня? У меня точно крылья выросли. Я не могу тебѣ сказать что я думалъ, я не старался привести свои мысли въ порядокъ и, знаешь, я не столько думалъ, сколько чувствовалъ ихъ. Ты думаешь почему я былъ бы счастливъ получить маюратъ? Ты думаешь мнѣ роскошь нужна. Нѣтъ, не потому, а для того, чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ. Да, да только для того. Кто можетъ открыто говорить всѣмъ правду, дѣлать то, что хочетъ, дружить только съ тѣми, кого считаетъ достойными, кто не долженъ лгать, лукавить и лицемерить, кому ничего не стоитъ осчастливить сотни, тысячи несчастныхъ, какъ не богатымъ. А сколько несчастныхъ есть и только потому, что во время имъ не помогли. Вспомни, какъ мы съ тобой чуть не погибли изъ-за 5 тысячъ рублей.

Рейнгардъ Георгіевичъ кончилъ и въ изнеможеніи откинулся на спинку дивана. Лариса Николаевна съ тревогой посмотрѣла на него и робко сказала: «ты бы легъ лучше». Но онъ упрямо запротестовалъ, увѣряя, что не хочетъ спать. Тогда она предложила ему прилечь хоть на диванъ, но онъ на этотъ разъ разсердился не на шутку, и она больше не настаивала.

Онъ просидѣлъ на диванѣ до утра, и когда перепуганная Лариса Николаевна пришла его провѣдать, онъ встрѣтитъ ее съ улыбкой. Вотъ ты все уговаривала меня вчера лечь спать, а я даже забылъ, что такое сонъ, право. И, знаешь, я чувствую себя вполне бодрымъ. Мы—Левизы очень выносливы, вѣдь въ насъ течетъ кровь первыхъ крестоносцевъ. Но Лариса Николаевна видѣла, насколько

онъ былъ бодръ, насильно увела его въ спальню и уложила спать, какъ маленькаго.

Вечеромъ былъ докторъ, но ничего серьезнаго не нашель.

— Пустяки, просто нервы расхотились, пусть посидитъ денька два-три дома и все пройдетъ, успокоилъ онъ Ларису Николаевну.

Дѣйствительно, черезъ три дня Рейнгардъ Георгіевичъ почувствовалъ себя такъ хорошо, что отправился въ казарму, но къ вечеру онъ вдругъ заметался какъ-то—все ходилъ по комнатамъ, что-то бормоталъ, подсаживался къ письменному столу съ намѣреніемъ писать дядѣ, но такъ ничего и не написалъ.

— Что, ты, взволновался опять? заботливо спросила Лариса Николаевна, но онъ окинулъ ее насмѣшливымъ взглядомъ и проговорилъ: «вы, графиня, забыли этикетъ».

— При чемъ тутъ, милый, этикетъ? попробовала она успокоить его.

— А при томъ, что безъ доклада не входятъ. Потрудитесь удалиться и прислать моего вѣрнаго Яна.

Лариса Николаевна такъ и попятилась отъ него, а Рейнгардъ Георгіевичъ захопалъ въ ладоши и неистово закричалъ: «гей люди, люди!»

Два дня послѣ того буйствовалъ Рейнгардъ Георгіевичъ, несмотря ни на какія увѣщанія Ларисы Николаевны. На третій день его съ большими затрудненіями свезли въ губернской городъ въ военный госпиталь. Врачи нашли у него острое помѣшательство. Полтора мѣсяца пролежалъ онъ тамъ, ни разу не приходя въ сознаніе, и умеръ.

Вик. Рычковъ.

